

В НОМЕРЕ:

ИНФОРМАЦИЯ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

- Об изменении места нахождения Адвокатской палаты Астраханской области 4
- Из реестра адвокатов Астраханской области 4
- Письмо № 30-04-03-4274 от 08.08.2015 г. Жилищного управления МО г. Астрахань «О предоставлении архивных сведений» 5
- О сложившейся ситуации с удостоверениями адвокатов 6

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30 июня 2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» 11
- Абзац 2 п. 119 Порядка организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России и Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190, в части установления правового регулирования свиданий больных, отбывающих наказание в местах лишения свободы и заключенных под стражу, с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, признан недействующим (Решение Верховного Суда РФ от 6 июня 2014 г. № АКПИ14-472 (Извлечение) 19
- Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (далее – Постановление об амнистии) и от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.07.2015 г.) 22

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

- Конституционный Суд РФ признал верховенство Конституции Российской Федерации при исполнении решений ЕСПЧ в своем Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» 28

ИНТЕРЕСНОЕ ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

- Участие в досудебной стадии производства по уголовному делу адвоката, статус которого был получен незаконно и впоследствии прекращен, стало основанием для отмены состоявшихся судебных постановлений (Извлечение из Обзора судебной практики по уголовным делам кассационной инстанции Московского городского суда за первое полугодие 2015 г.) 52

С ЮБИЛЕЕМ!

ИНФОРМАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Об изменении места нахождения Адвокатской палаты Астраханской области

Адвокатская палата Астраханской области сообщает об изменении своего места нахождения. В этой связи сообщаем новый адрес АПАО: 414000, г. Астрахань, ул. Свердлова/ Эспланадная, д. 56/47 (между улицами Шелгунова и М. Аладына).

Номера телефонов остались прежними: тел/факс (8512) 30-65-15, 44-34-61.

Президент
Адвокатской палаты

В.Н. Малиновская

Из реестра адвокатов Астраханской области

В июле-августе 2015 г.:

Присвоен статус адвоката и принят в члены Адвокатской палаты Астраханской области 1 адвокат:

- Переседова Елена Германовна.

Прекращен статус 8 адвокатов:

- Воищевой Ольги Николаевны;
- Досмухамедовой Аиды Амиржановны;
- Елина Романа Евгеньевича;
- Корнеева Дмитрия Александровича;
- Комиссаровой Веры Викторовны;
- Середенкова Александра Павловича;
- Смольяковой Екатерины Алексеевны;
- Снежкиной Марины Александровны.

Возобновлен статус 1 адвоката:

- Кудабаяевой Динары Амангалиевны.

Приостановлен статус 3 адвокатов:

- Жерновой Марии Витальевны;
- Корся Анны Викторовны;
- Харченко Гульнары Фаритовны.

АДМИНИСТРАЦИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРОД АСТРАХАНЬ»

ЖИЛИЩНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ленина/Целгунова ул., д. 23/20, Астрахань,
414000

Тел./факс (8512) 51-33-54, 51-34-32,
51-33-64, 51-57-37

E-mail: ugp_astra Khan@mail.ru

№

на № 05.08.15 от 30.04.13-4244

Президенту Адвокатской палаты
Астраханской области
В.Н. Малиновской

414000, г. Астрахань,
ул. Бабушкина/ул. Мечникова, д. 40/6
тел: 8 (8512) 44-34-61
факс: 8 (8512) 30-65-15

Уважаемая Валентина Николаевна!

Доводим до Вашего сведения, что в настоящее время жилищное управление МО «Город Астрахань» осуществляет передачу архивной картотеки на немунципальные жилые помещения в МКУ «Астраханский городской архив», в связи с чем с 10.08.2015 предоставление архивных сведений о регистрации граждан в вышеуказанных жилых помещениях не представляется возможным.

Начальник управления

Н.В. Шелипова

исп.: Сергеева А.Н.
тел.: 51-50-45

Вход. № 88-11-08 2015 г.
Адвокатская палата
Астраханской области
414000, г. Астрахань,
ул. Бабушкина/Мечникова, 40/6

О сложившейся ситуации с удостоверениями адвокатов

В Федеральную палату адвокатов РФ из адвокатских палат поступила информация о том, что сотрудники ФСИН не признают утвержденную приказом Министерства юстиции РФ от 23.04.2014 г. № 84 форму удостоверения адвоката и не допускают адвокатов в следственные изоляторы.

Руководством ФСИН подвергнута сомнению законность формы удостоверения в связи с отсутствием печати предусмотренной пунктом 2 статьи 15 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Федеральной палатой адвокатов РФ были приняты меры по разрешению данной проблемы. О положении дел с удостоверениями адвокатов были информированы Директор Департамента по вопросам правовой помощи и взаимодействию с судебной системой С.А. Погудин, а также заместитель Министра юстиции РФ Е.А. Борисенко.

4 августа 2015 года заместитель Директора ФСИН России В.Г. Бояринев за исх. № 03-493200 направил в регионы указание не допускать адвокатов в учреждения ФСИН с удостоверениями нового образца до внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В связи со сложной ситуацией Президент Федеральной палаты адвокатов РФ направил письменное обращение заместителю Министра юстиции РФ Любимову Ю.С.

В некоторых регионах была достигнута договоренность с территориальными органами Минюста России о приведении формы новых удостоверений, выданных адвокатам, в соответствии с требованиями пункта 2 статьи 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» - фотографии в них заверяются печатью органа юстиции.

Представители Минюста России, ФСИН России и Генпрокуратуры РФ решили вопрос о статусе адвокатского удостоверения

После многократных обращений Федеральной палаты адвокатов РФ в Минюст России и ФСИН о необходимости решения проблемы воспрепятствования адвокатов с удостоверениями нового образца 20 августа 2015 г. состоялось межведомственное совещание с участием представителей Минюста России, ФСИН России и Генпрокуратуры РФ. Рассмотрена ситуация, возникшая в связи отказа в допуске адвокатов, имеющих удостоверения адвоката нового образца, в следственные изоляторы для встречи и работы со своими доверителями.

На совещании приняты следующие решения, направленные на обеспечение гарантий соблюдения профессиональных прав адвокатов и прав

их доверителей на квалифицированную юридическую помощь и доступ к правосудию:

- в удостоверениях адвоката нового образца, которые не имеют ламинированной защиты, фотографии адвокатов будут заверены печатью территориального органа Министерства юстиции РФ;

- удостоверения адвоката нового образца, имеющие ламинированную защиту, в течение двух месяцев будут заменены на новые, в которых фотографии адвокатов будут заверены печатью;

- в приказ Министерства юстиции РФ от 23 апреля 2014 г. № 84 «Об утверждении формы удостоверения адвоката» будут внесены соответствующие изменения и выдача новых удостоверений будет производиться с фотографией адвоката, заверенной печатью.

К тому же в письме Министерства разъяснено, что до замены удостоверений пропуск адвокатов в учреждения ФСИН будет осуществляться при наличии удостоверения и паспорта.

Представители прокуратуры обязались в соответствии с их полномочиями отслеживать факты нарушения профессиональных прав адвокатов, связанные с препятствованием их допуску в следственные изоляторы и иные места содержания доверителей, и оперативно на них реагировать.

Соответствующая информация ФПА РФ направила во все адвокатские палаты субъектов РФ.

В Госдуму внесен законопроект о повышении статуса адвокатского удостоверения и отмене обязательного присутствия в удостоверениях печати Минюста

Документ внесен в нижнюю палату парламента членом Комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Иваном Сухаревым.

Парламентарий предлагает внести изменения в ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», изложив п. 2 в следующей редакции: «Форма удостоверения утверждается федеральным органом юстиции. В удостоверении указываются фамилия, имя, отчество адвоката, его регистрационный номер в региональном реестре. В удостоверении должна быть фотография адвоката, заверенная в порядке, установленном федеральным органом юстиции».

В пояснительной записке к законопроекту Иван Сухарев отмечает, что согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» фотография адвоката в его удостоверении заверяется печатью территориального органа юстиции, однако развитие технологий защиты документов в настоящее время позволяет заверять документы более современными и надежными способами, в частности, с помощью закрытых голограмм и иных средств защиты: «В связи с этим проект федерального закона предусматривает отнесение к компетенции Министерства юстиции РФ установление порядка заверения фотографии в удо-

стоверении адвоката с тем, чтобы указанный орган мог выбирать наиболее оптимальный и современный способ защиты данного документа».

Кроме того, депутат предлагает дополнить абз. 1 п. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предложением следующего содержания: «Удостоверение предоставляет право беспрепятственного доступа адвоката в помещения судов в связи с осуществлением профессиональной деятельности».

Иван Сухарев поясняет, что на практике существуют проблемы с допуском адвокатов в помещения учреждений ФСИН России и судов при предъявлении удостоверения: «В связи с этим проект федерального закона предусматривает закрепление положения о том, что удостоверение предоставляет право беспрепятственного доступа адвоката в помещения судов в связи с осуществлением профессиональной деятельности. Данная поправка также будет способствовать укреплению такого принципа судопроизводства, как равноправие сторон, поскольку сотрудники правоохранительных и иных государственных органов допускаются в помещения судов при предъявлении ими соответствующего служебного удостоверения».

Иван Сухарев прокомментировал пресс-службе ФПА внесенный им в Госдуму законопроект: «Я сам являюсь адвокатом – в настоящее время мой статус приостановлен в связи с исполнением обязанностей депутата Госдумы, поэтому проблемы адвокатуры мне близки. Сейчас существует реальная проблема недопуска адвокатов в суды при предъявлении лишь адвокатского удостоверения: нередко в дополнение к нему требуют паспорт. Хотя, на мой взгляд, это нонсенс – очевидно, что адвокатского удостоверения должно быть достаточно. Не менее надуманным является предлог для недопуска адвоката в СИЗО по причине отсутствия у него в удостоверении печати Минюста: все-таки уже XXI век на дворе, а из-за таких мелочей сотрудники ФСИН создают препятствия работе адвокатов, лишая таким образом наших граждан права на получение квалифицированной юридической помощи. Надеюсь, внесенный мной законопроект поможет решить эти проблемы».

О нарушении прав адвокатов в Астраханской области на беспрепятственные встречи с доверителями в СИЗО-1

В Адвокатской палате Астраханской области также имеломесто нарушение права адвокатов на беспрепятственные встречи с доверителями, содержащимися под стражей, ставящие под угрозу срыва следственные действия и судебные заседания.

Так, 25 августа 2015 г. в АПАО поступили письменные и устные обращения адвокатов Анохина А.А., Колпикова В.В., Семеновы Е.М., Хальметовой С.П., Шипиловой Н.А. в связи с их не допуском в ФКУ СИЗО - 1 УФСИН России по Астраханской области» для посещения доверителей, содержащихся под стражей. Устно дежурный КПП следственного изолятора пояснил адвокатам, что причиной не предоставления допуска стало,

якобы, отсутствие в их удостоверениях адвокатов печати Управления Министерства юстиции России по Астраханской области, при этом наличие на удостоверении выжимной печати Министерства юстиции Российской Федерации, которая на протяжении более 12 лет проставляется на удостоверениях адвокатов, сотрудники СИЗО посчитали недостаточным.

После вмешательства в ситуацию адвокатской палаты и личного обращения президента АПАО Малиновской В.Н. к начальнику УФСИН по Астраханской области Киктеву А.А. вопрос с беспрепятственным допуском адвокатов в ФКУ СИЗО-1 был разрешен.

Данная информация была доведена до сведения всех руководителей адвокатских образований АПАО.

Адвокатская палата Астраханской области рекомендует адвокатам в случае возникновения подобных ситуаций в будущем направлять соответствующую письменную информацию в адвокатскую палату.

Ниже публикуется письмо президента АПАО В.Н. Малиновской, направленное в связи с имевшей место ситуацией с удостоверениями адвокатов начальнику Управления юстиции РФ Е.Ю. Куникиной.

Начальнику
Управления министерства юстиции
Российской Федерации
по Астраханской области
Е.Ю. Куникиной

Уважаемая Евгения Юрьевна!

Адвокатская палата Астраханской области доводит до Вашего сведения информацию об имевшем место нарушении права адвокатов на беспрепятственные встречи с доверителями, содержащимися под стражей, ставящие под угрозу срыва следственные действия и судебные заседания, а также нарушающие принцип разумности срока уголовного судопроизводства.

Так, 25 августа 2015 г. в Адвокатскую палату Астраханской области поступили письменные и устные обращения адвокатов Анохина А.А., Колпикова В.В., Семеновой Е.М., Хальметовой С.П., Шпиловой Н.А. в связи с их недопуском в ФКУ «Следственный изолятор № 1 УФСИН России по Астраханской области» для посещения доверителей, содержащихся под стражей. Устно дежурный КПП следственного изолятора пояснил адвокатам, что причиной не предоставления допуска стало, якобы, отсутствие в их удостоверениях адвокатов печати Управления Министерства юстиции России по Астраханской области, при этом наличие на удостоверении выжимной печати Министерства юстиции Российской Федерации, которая на протяжении более 12 лет проставляется на удостоверениях адвокатов, сотрудники СИЗО посчитали недостаточным.

После вмешательства в ситуацию адвокатской палаты и моего личного обращения к начальнику УФСИН по Астраханской области Киктеву А.А. вопрос с беспрепятственным допуском адвокатов в ФКУ «Следственный изолятор № 1» был разрешен.

Информируя об изложенном, просим принять меры к недопущению подобных нарушений прав адвокатов в будущем.

Президент
Адвокатской палаты

В.Н. Малиновская

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 29

г. Москва

30 июня 2015 г.

«О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»

Право на защиту каждого, кто подвергся уголовному преследованию, признается и гарантируется Конституцией Российской Федерации (статьи 17, 45, 46, 48, 123), общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации в качестве одного из основных прав человека и гражданина.

Порядок реализации данного конституционного права определяется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, при применении норм которого должны учитываться правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и практика Европейского Суда по правам человека.

Обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия.

В целях единообразного разрешения судами вопросов, возникающих в практике применения законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на то, что по смыслу статьи 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях. В силу этого правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ; подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о примене-

нии принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело (далее – дело) или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица (далее – обвиняемый).

2. Судам необходимо иметь в виду, что право обвиняемого на защиту включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться лично и (или) с помощью законного представителя всеми не запрещенными законом способами и средствами (часть 2 статьи 16, пункт 11 части 4 статьи 46, пункт 21 части 4 статьи 47 УПК РФ), в том числе давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний; возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; давать объяснения и показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика бесплатно, в случаях, когда обвиняемый не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство; участвовать в ходе судебного разбирательства в исследовании доказательств и судебных прениях; произносить последнее слово; приносить жалобы на действия, бездействие и решения органов, осуществляющих производство по делу; знакомиться в установленном законом порядке с материалами дела. Процессуальные права обвиняемого не могут быть ограничены в связи с участием в деле его защитника и (или) законного представителя.

3. Исходя из взаимосвязанных положений части 1 статьи 11 и части 2 статьи 16 УПК РФ обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается на лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, и предварительное расследование по делу: на дознавателя, орган дознания, начальника органа или подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, а в ходе судебного производства – на суд.

Предусмотренные нормами уголовно-процессуального закона права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом лица, в отношении которого ведется производство по делу, с учетом стадий и особенностей различных форм судопроизводства. В частности, при 3 рассмотрении дела по существу судом первой инстанции разъяснению обвиняемому подлежат не только права, указанные в части 4 статьи 47 УПК РФ, но и другие его права в судебном разбирательстве, в том числе право ходатайствовать об участии в прениях сторон наряду с защитни-

ком (часть 2 статьи 292 УПК РФ), а при отсутствии защитника – участвовать в прениях сторон (часть 1 статьи 292 УПК РФ), право на последнее слово (статья 293 УПК РФ).

4. Право обвиняемого лично осуществлять свою защиту, реализуемое посредством его участия в судебном разбирательстве, обеспечивается судом. В отношении обвиняемых, содержащихся под стражей либо отбывающих наказание в виде лишения свободы, суд первой инстанции принимает меры по обеспечению их участия в судебном заседании непосредственно либо в случаях, предусмотренных частью 61 статьи 241 и частью 2 статьи 399 УПК РФ, путем использования систем видеоконференц-связи. Вопрос о форме участия таких лиц в судебных заседаниях судов вышестоящих инстанций решается судом, рассматривающим дело (часть 2 статьи 389.12, часть 2 статьи 401.13 УПК РФ).

5. Судам следует проверять, извещен ли обвиняемый о дате, времени и месте заседания суда первой, апелляционной или кассационной инстанции в сроки, установленные соответственно частью 4 статьи 231, частью 2 статьи 389.11, частью 2 статьи 401.12 УПК РФ. При несоблюдении указанных сроков суд выясняет у обвиняемого, имел ли он достаточное время для подготовки к защите. Если суд признает, что этого времени было явно недостаточно, а также в иных случаях по просьбе обвиняемого, в целях обеспечения требований части 3 статьи 47 УПК РФ суд объявляет перерыв в судебном заседании либо откладывает его на определенный срок.

6. Если после вынесения приговора или иного судебного решения обвиняемый и (или) его защитник ходатайствуют о дополнительном ознакомлении с материалами дела для составления апелляционной жалобы, суду, в производстве которого находится дело, надлежит уточнить, какие именно материалы дела им необходимы. При разрешении такого ходатайства суд выясняет, знакомились ли обвиняемый и (или) его защитник по окончании предварительного расследования со всеми материалами дела и не были ли они ограничены в праве выписывать любые сведения и в любом объеме, за свой счет снимать копии с материалов дела, а также знакомились ли они с протоколом судебного заседания. В случае удовлетворения ходатайства суд определяет срок для дополнительного ознакомления с учетом установленных обстоятельств.

7. В силу требований части 2 статьи 123 Конституции Российской Федерации и части 1 статьи 247 УПК РФ разбирательство дела в суде первой инстанции проводится при обязательном участии обвиняемого. Рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого допускается лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Исходя из положений частей 1 и 4 статьи 247 УПК РФ ходатайство обвиняемого, не уклоняющегося от явки в суд, о рассмотрении дела в его отсутствие может быть удовлетворено судом только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Если обвиняемый, заявляя ходатайство о заочном рассмотрении дела, ссылается на обстоятельства, которые препятствуют его участию в судебном разбирательстве, то суд вправе признать данное ходатайство вынужденным, отказать в его удовлетворении и назначить судебное заседание с участием обвиняемого либо, при наличии к тому оснований, приостановить производство по делу.

8. В соответствии с положениями части 2 статьи 243, статьи 257 УПК РФ и нормами главы 36 УПК РФ в их взаимосвязи председательствующий в подготовительной части судебного заседания разъясняет всем участникам судебного разбирательства не только их права, но и обязанности, знакомит с регламентом судебного заседания. При этом подлежат разъяснению также положения статьи 258 УПК РФ, предусматривающей меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава, в том числе возможность удаления из зала заседания по решению председательствующего (коллегии судей) и последствия такого удаления.

Если нарушение порядка в судебном заседании, неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава допускает обвиняемый, то в зависимости от характера нарушений он предупреждается председательствующим о недопустимости такого поведения либо по мотивированному решению председательствующего (коллегии судей) удаляется из зала заседания на определенный период (например, на период допроса потерпевшего или свидетеля; до окончания судебного следствия или завершения прений сторон).

Следует учитывать, что закон не предусматривает обязанность суда уведомлять обвиняемого по возвращении в зал судебного заседания о содержании проведенных в его отсутствие судебных действий и исследованных доказательств. При наличии просьбы обвиняемого о получении такой информации суд предоставляет ему время для обращения за помощью к своему адвокату.

9. Если при рассмотрении дела в отсутствие обвиняемого в соответствии с частью 4 статьи 247 УПК РФ защитник не приглашен самим обвиняемым, его законным представителем или другим лицом по поручению обвиняемого, то суд в целях обеспечения состязательности и равноправия сторон и права обвиняемого на защиту принимает меры к назначению защитника. Такие же меры суду необходимо принять и в случае, когда обвиняемый удален из зала судебного заседания, а дело слушается в отсутствие защитника.

10. Судам необходимо иметь в виду, что предусмотренное частью 1 статьи 50 УПК РФ право на приглашение защитника не означает право обвиняемого выбирать в качестве защитника любое лицо по своему усмотрению и не предполагает возможность участия в деле любого лица в ка-

честве защитника. По смыслу положений части 2 статьи 49 УПК РФ, защите обвиняемого в досудебном производстве вправе осуществлять только адвокат.

Кроме того, при наличии любого из обстоятельств, указанных в статье 72 УПК РФ, участие защитника исключается во всех стадиях уголовного судопроизводства.

Если между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат, выявятся противоречия (признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела; изблечение одним обвиняемым другого и т.п.), то такой адвокат подлежит отводу (пункт 3 части 1 статьи 72 УПК РФ, подпункт 2 пункта 4 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пункт 1 статьи 13 «Кодекса профессиональной этики адвоката» (принят Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года).

Исходя из взаимосвязанных положений части 1 статьи 72 УПК РФ установленное в пункте 3 данной нормы ограничение относится к случаям, когда защитник в рамках данного или выделенного из него дела оказывает или ранее оказывал в ходе досудебного производства либо в предыдущих стадиях судебного производства и судебных заседаниях юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им обвиняемого. Однако это не исключает возможность отвода защитника и в иных случаях выявления подобных противоречий, не позволяющих ему участвовать в данном деле.

11. При разрешении ходатайства обвиняемого, заявленного в соответствии с частью 2 статьи 49 УПК РФ о допуске одного из близких родственников или иного лица в качестве защитника, суду следует не только проверять отсутствие обстоятельств, указанных в статье 72 УПК РФ, но и учитывать характер, особенности обвинения, а также согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу. В случае отказа в удовлетворении такого ходатайства решение суда должно быть мотивированным.

12. В силу части 1 статьи 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого.

Если обвиняемым заявлено ходатайство об отложении судебного заседания для приглашения избранного им защитника, то обвиняемому следует разъяснить, что в силу положений части 3 статьи 50 УПК РФ при неявке приглашенного им защитника в течение 5 суток либо в течение иного более длительного, но разумного срока со дня заявления такого ходатайства суд вправе предложить обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае отказа – принять меры по его назначению.

В том же порядке суд при отводе единственного адвоката, осуществляющего защиту обвиняемого, принимает меры к обеспечению участия в судебном заседании другого адвоката.

Когда защиту обвиняемого осуществляют несколько приглашенных им адвокатов, неявка кого-либо из них при надлежащем уведомлении о дате, времени и месте судебного разбирательства не препятствует его проведению при участии хотя бы одного из адвокатов.

13. Согласно части 1 статьи 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если обвиняемый не отказался от него в порядке, установленном статьей 52 УПК РФ. При этом участие в судебном заседании обвинителя (государственного обвинителя) не является безусловным основанием для обеспечения участия в нем защитника, поскольку обвиняемый на любой стадии производства по делу вправе по собственной инициативе в письменном виде отказаться от помощи защитника.

При разрешении такого заявления суду надлежит иметь в виду, что нежелание обвиняемого пользоваться помощью защитника должно быть выражено явно и недвусмысленно. В суде первой инстанции отказ от защитника может быть принят при условии, если участие защитника в судебном заседании фактически обеспечено судом.

Заявление обвиняемого об отказе от защитника ввиду отсутствия средств на оплату услуг адвоката либо неявки в судебное заседание приглашенного им или назначенного ему адвоката, а также об отказе от услуг конкретного адвоката не может расцениваться как отказ от помощи защитника, предусмотренный статьей 52 УПК РФ.

В случае, если суд принял отказ обвиняемого от защитника, решение об этом должно быть мотивированным.

14. Исходя из положений части 2 статьи 50, пункта 1 части 1 и части 3 статьи 51 и статьи 52 УПК РФ в их взаимосвязи суд принимает меры по назначению защитника во всех случаях, когда обвиняемый в судебном разбирательстве не воспользовался своим правом на приглашение защитника и при этом не заявил в установленном порядке об отказе от защитника либо такой отказ не был принят судом. При этом следует иметь в виду, что закон не предусматривает права обвиняемого выбирать конкретного адвоката, который должен быть назначен для осуществления его защиты.

15. К лицам, которые в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 51 УПК РФ в силу своих физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту, следует относить, в частности, тех, у кого имеется психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также лиц, страдающих существенным дефектом речи, слуха, зрения или другим недугом, ограничивающим их способность пользоваться процессуальными правами. В целях создания необходимых

условий для реализации такими лицами процессуальных прав и при наличии оснований суду следует обсуждать вопрос о необходимости привлечения к участию в деле соответствующих специалистов (владеющих навыками сурдоперевода, применения системы Брайля и т.д.).

16. По смыслу положений пунктов 8 и 9 части 4 статьи 47 УПК РФ в тех случаях, когда участие обвиняемого в судебном разбирательстве обеспечивается путем использования систем видеоконференц-связи, суду в целях надлежащего обеспечения права обвиняемого пользоваться помощью защитника необходимо разъяснить ему право общения с защитником в отсутствие других участников судебного заседания и принять меры к обеспечению возможности такого общения.

17. В случае изменения государственным обвинителем в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства обвинения в пределах его полномочий, предусмотренных частью 8 статьи 246 УПК РФ, суд с учетом мнения обвиняемого и его защитника предоставляет им время, необходимое для подготовки к защите от поддержанного государственным обвинителем обвинения.

18. Судам надлежит реагировать на каждое выявленное нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту. При наличии к тому оснований суд, в частности, вправе признать полученные доказательства недопустимыми (статья 75 УПК РФ), возвратить уголовное дело прокурору в порядке, установленном статьей 237 УПК РФ (часть 3 статьи 389.22, часть 3 статьи 401.15 УПК РФ), изменить или отменить судебное решение (статья 389.17, часть 1 статьи 401.15 УПК РФ) и (или) вынести частное определение (постановление), в котором обратить внимание органов дознания, предварительного следствия, соответствующей адвокатской палаты или нижестоящего суда на факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер (часть 4 статьи 29 УПК РФ).

Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц.

19. Обратит внимание судов на то, что, по смыслу части 2 статьи 389.24 УПК РФ, отмена оправдательного приговора по мотивам нарушения права обвиняемого на защиту не допускается. Оправдательный приговор может быть изменен по указанным мотивам лишь в части, касающейся основания оправдания, по жалобе оправданного, его защитника, законного представителя и (или) представителя (часть 3 статьи 389.26 УПК РФ).

20. С учетом взаимосвязанных положений статей 389.22, 389.23 и части 1 статьи 389.24 УПК РФ о том, что обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть отменены или изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей, при новом рассмотрении дела в суде первой или апелляционной инстанции после отмены приговора в связи с нарушением права обвиняемого на защиту, а также по иным основаниям, не связанным с необходимостью ухудшения положения обвиняемого, не допускается применение закона о более тяжком преступлении, назначение 8 обвиняемому более строго наказания или любое иное усиление его уголовной ответственности.

21. В связи с принятием настоящего постановления:

признать не действующим на территории Российской Федерации постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 года № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту»;

исключить пункт 3 из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 5 декабря 2006 г. № 60, от 11 января 2007 г. № 1, от 9 декабря 2008 г. № 26, от 23 декабря 2008 г. № 28, от 23 декабря 2010 г. № 31 и от 9 февраля 2012 г. № 3).

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации

В.М. Лебедев

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации

В.В. Момотов

Абзац 2 п. 119 Порядка организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России и Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190, в части установления правового регулирования свиданий больных, отбывающих наказание в местах лишения свободы и заключенных под стражу, с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, признан недействующим

Решение Верховного Суда РФ от 6 июня 2014 г. № АКПИ14-472
(Извлечение)

В соответствии с абз. 2 п. 119 Порядка организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России и Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190 (далее - Порядок), допускается временное непредоставление свиданий и запрещение посещения больного иными лицами при карантине, по другим санитарно-эпидемиологическим основаниям, а также если посещение больного может привести к ухудшению его здоровья или представлять угрозу его жизни и здоровью окружающих (в том числе прибывших для посещения). Такое решение принимает начальник больницы по письменному заключению лечащего врача и начальника отделения.

Граждане Ф., Ш., В., К. обратились в Верховный Суд РФ с заявлением о признании недействующим абз. 2 п. 119 Порядка, ссылаясь на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта противоречат ч. 4 ст. 89 УИК РФ, п. 5 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", нормам международного права и нарушают права лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, на получение квалифицированной юридической помощи.

Верховный Суд РФ 6 июня 2014 г. установил следующее.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" в ст. 26 предусматривает, что порядок организации оказания медицинской помощи, в том числе в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, устанавливается законодательством Российской Федерации, в том числе нормативными правовыми актами уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, по согласованию с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Аналогичная норма содержалась в ст. 29 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан.

Порядок регулирует вопросы, связанные с организацией медицинской помощи лицам, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, содержащимся под стражей в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, а также лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы.

Абзац 2 п. 119 Порядка допускает временное непредоставление свиданий и запрещение посещения больного иными лицами, включая адвокатов и иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи, при карантине, по другим санитарно-эпидемиологическим основаниям, а также если посещение больного может привести к ухудшению его здоровья или представлять угрозу его жизни и здоровью окружающих, что не соответствует действующему законодательству и нарушает права граждан.

Согласно ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления - право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

С учетом особенностей статуса осужденного право на квалифицированную юридическую помощь гарантируется ему не только для обеспечения возможности отстаивать свои интересы в рамках уголовного процесса, но и для защиты от ущемляющих его права и законные интересы действий и решений органов и учреждений, исполняющих наказание.

Право на получение юридической помощи гарантируется осужденными ст. 12 УИК РФ.

Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", определяя в ст. 6 полномочия адвоката, устанавливает право адвоката беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Законодатель, предусматривая предоставление свиданий осужденным к лишению свободы, различает, с одной стороны, свидания, которые предоставляются им в целях сохранения социально-полезных связей с родственниками и иными лицами, и с другой - свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, в целях реализации осужденными конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 89 УИК РФ).

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ в Постановлении от 25 октября 2001 г. N 14-П по делу о проверке конституционности положений, содержащихся в ст.ст. 47 и 51 УПК РСФСР и п. 15 ч. 2 ст. 16 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений", непосредственное общение с адвокатом - важная составляющая права на получение квалифицированной юридической помощи, которое в силу Конституции Россий-

ской Федерации ни при каких условиях не подлежит произвольному ограничению, в том числе в части определения количества и продолжительности предоставляемых в этих целях свиданий. Федеральный законодатель, как следует из пп. "в", "о" ст. 71 и ч. 1 ст. 76 Конституции Российской Федерации в связи с ее ч. 3 ст. 55, вправе конкретизировать содержание закрепленного в ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации права устанавливать правовые механизмы его осуществления, условия и порядок реализации, но при этом не должен допускать искажения существа данного права и введения таких его ограничений, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями.

Оспариваемые положения абз. 2 п. 119 Порядка введены в действие не федеральным законом, а ведомственным нормативным правовым актом. Они ограничивают право лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и заключенных под стражу, на получение неюрисдикционной помощи при карантине, по другим санитарно-эпидемиологическим основаниям, а также если посещение больного может привести к ухудшению его здоровья или представлять угрозу его жизни и здоровью окружающих.

Согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ лица, заключенные под стражу, отбывающие наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы, имеют право на оказание медицинской помощи, при этом каждый пациент имеет право на допуск к нему адвоката (ст. 19). Названный Федеральный закон, регулируя отношения в сфере охраны здоровья граждан, не устанавливает ограничений по допуску адвоката, если посещение больного может привести к ухудшению его здоровья или представлять угрозу его жизни, при карантине, по другим санитарно-эпидемиологическим основаниям.

Санитарно-эпидемиологических требований к порядку посещения адвокатами лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы из заключенных под стражу, Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения" не устанавливает.

Федеральный закон от 18 июня 2001 г. N 77-ФЗ "О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации" определяет туберкулез как инфекционное заболевание, вызванное микобактериями туберкулеза. При этом данный Федеральный закон признает за лицами, госпитализированными для обследования и лечения в медицинские противотуберкулезные организации, право встречаться с адвокатом, и такое право не ограничено формами заболевания у больного туберкулезом.

Верховный Суд РФ абз. 2 п. 119 Порядка организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу, утвержденного приказом Минздравсоцразвития России и Минюста России от 17 октября 2005 г. № 640/190, в части установления правового регулирования свиданий больных, отбывающих наказание в местах лишения свободы и заключенных под стражу, с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, признал недействующим с момента вступления решения суда в законную силу.

Утверждены Президиумом
Верховного Суда
Российской Федерации
29 июля 2015 года

Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» (далее – Постановление об амнистии) и от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» (далее – Постановление о порядке применения амнистии)

1. Вопрос: Распространяется ли содержащийся в подпунктах 7 и 8 пункта 1 Постановления об амнистии запрет на применение акта об амнистии к лицам, осужденным по ч. 1 ст. 157 УК РФ?

Ответ: Нет, не распространяется, так как в случае совершения деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, сам несовершеннолетний не является непосредственным объектом преступного посягательства.

2. Вопрос: Имеются ли какие-либо иные, кроме установленных пунктом 13 Постановления об амнистии, ограничения на применение данного Постановления?

Ответ: Да, при применении Постановления об амнистии необходимо учитывать также требования пункта 10 Постановления о порядке применения амнистии.

3. Вопрос: Имеются ли основания для применения акта об амнистии в случае, когда лицо обвиняется в совершении совокупности преступлений, не все из которых подпадают под действие Постановления об амнистии?

Ответ: Нет, не имеется. Акт об амнистии применяется не к преступлению, а к лицу при условии отнесения его к одной из категорий амнистируемых. В связи с этим и с учетом положений пунктов 10, 11 Постановления о порядке применения амнистии акт об амнистии не подлежит применению в отношении указанного лица, если хотя бы на одно из преступлений, входящих в совокупность, распространяются ограничения на применение амнистии.

4. Вопрос: Применяется ли Постановление об амнистии к осужденному за преступление, совершенное до вынесения предыдущего приговора, по которому он не может быть освобожден от наказания вследствие акта об амнистии?

Ответ: Нет, не применяется. В соответствии с ч. 1 ст. 17 и ч. 5 ст. 69 УК РФ совокупность преступлений имеет место и в случае, когда после вынесения судом приговора по делу установлено, что осужденный виновен еще и в другом преступлении, совершенном им до вынесения приговора суда по первому делу. С учетом содержания ответа на предыдущий вопрос Постановление об амнистии на такого осужденного не распространяется.

5. Вопрос: Вправе ли суд на основании пункта 5 Постановления об амнистии при вынесении приговора освободить от наказания осужденного, которому назначается наказание в виде лишения свободы на срок менее 1 года?

Ответ: Исходя из положений пункта 5 Постановления об амнистии в его взаимосвязи с подпунктом 1 пункта 1 Постановления о порядке применения амнистии освобождение осужденных от наказания по данному основанию возлагается на исправительные учреждения и следственные изоляторы, исполняющие наказание в виде лишения свободы, а не на суды. Вместе с тем не исключается возможность применения судом акта об амнистии по данному основанию в том случае, когда суд при назначении наказания принимает решение о зачете в срок лишения свободы периодов, указанных в п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, в результате чего неотбытая часть наказания в виде лишения свободы на день окончания исполнения Постановления об амнистии составит менее одного года.

6. Вопрос: Подлежит ли прекращению уголовное дело на основании подпункта 3 пункта 6 Постановления об амнистии в отношении лица, совершившего преступление небольшой тяжести, если санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы, однако данный вид наказания не может быть применен к лицу в соответствии с положениями ч. 1 ст. 56 УК РФ?

Ответ: Нет, не подлежит, поскольку подпункт 3 пункта 6 Постановления об амнистии предполагает прекращение уголовных дел в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, за которые санкцией статьи Особенной части УК РФ не предусмотрено наказание, связанное с лишением свободы.

7. Вопрос: Следует ли в судебном решении о применении акта об амнистии к осужденному, которому назначено дополнительное наказание в виде лишения права управлять транспортным средством, указывать на то, что 3 осужденный не освобождается от дополнительного наказания? Снимается ли с осужденного в этом случае судимость на основании пункта 12 Постановления об амнистии?

Ответ: В судебном решении об освобождении осужденного от основного наказания в силу акта об амнистии следует со ссылкой на пункт 11 Постановления об амнистии указать, что дополнительное наказание в виде лишения права управлять транспортным средством (лишения права за-

ниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством¹⁾ подлежит самостоятельному дальнейшему исполнению. Судимость с такого осужденного не снимается.

8. Вопрос: Должно ли судебное решение, по которому осужденный освобождается от наказания на основании акта об амнистии, содержать указание о снятии с него судимости?

Ответ: Да, должно. В силу пункта 12 Постановления об амнистии несудимыми считаются лица, освобожденные от наказания на основании пунктов 1 - 4 и 7 - 9 данного Постановления, поэтому для правильного определения правовых последствий применения акта об амнистии в судебном решении обязательно указывается на снятие судимости с лица, к которому данный акт применен.

9. Вопрос: Распространяются ли установленные подпунктом 5 пункта 13 Постановления об амнистии ограничения на лиц, в отношении которых после 2005 г. уголовные дела прекращались с освобождением от уголовной ответственности в соответствии с актами об амнистии и которые вновь совершили умышленные преступления?

Ответ: Ограничения, установленные данным подпунктом, распространяются только на лиц, которые в порядке помилования или на основании актов об амнистии освобождались от наказания, что следует также и из положений пункта 17 Постановления о порядке применения амнистии. К лицам, ранее освобожденным вследствие актов об амнистии от уголовной ответственности и вновь совершившим умышленные преступления, указанные ограничения не относятся.

10. Вопрос: Что следует понимать под «совершением умышленного преступления во время отбывания наказания» по смыслу подпункта 4 пункта 19 Постановления о порядке применения акта об амнистии, и каким процессуальным документом это должно подтверждаться: постановлением о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, либо приговором суда, вступившим в законную силу?

Ответ: Факт совершения осужденным нового умышленного преступления во время отбывания наказания должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день такого процессуального документа акт об амнистии подлежит применению.

¹В настоящее время лицам, осужденным по статье 264 УК РФ (в редакции Федерального закона от 31 декабря 2014 года № 528-ФЗ), может быть назначено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в том числе связанной с управлением транспортным средством).

11. Вопрос: Применяется ли Постановление об амнистии к лицу, совершившему умышленное преступление в период испытательного срока при условном осуждении, если за новое преступление ему до вступления в силу данного Постановления новым приговором также назначено наказание условно?

Ответ: Нет, не применяется. В соответствии с подпунктом 5 пункта 19 Постановления о порядке применения амнистии осужденные, совершившие умышленные преступления в течение установленного судом испытательного срока, в период отсрочки отбывания наказания либо в течение оставшейся неотбытой части наказания после применения к ним условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, считаются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания независимо от вида и размера назначенного им нового наказания, и согласно подпункту 6 пункта 13 Постановления об амнистии на таких лиц акт об амнистии не распространяется по обоим приговорам.

12. Вопрос: Обязан ли председательствующий по своей инициативе при наличии к тому оснований разъяснить обвиняемому порядок применения акта об амнистии и прекращения уголовного дела в случае, если обвиняемый либо его защитник не заявили ходатайство о применении к лицу акта об амнистии? Требуется ли согласие осужденного на освобождение от наказания в связи с применением к нему акта об амнистии?

Ответ: Исходя из взаимосвязанных положений п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 27, п. 1 ст. 254, п. 1 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ прекращение уголовного дела судом вследствие акта об амнистии, если обвиняемый против этого не возражал, признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену или изменение обвинительного приговора. В связи с этим даже при отсутствии ходатайства сторон суд обязан разъяснить обвиняемому возможность прекращения уголовного дела в соответствии с актом об амнистии и выяснить отношение к этому обвиняемого, после чего, в зависимости от 5 наличия или отсутствия возражений обвиняемого, продолжить производство по делу в обычном порядке либо прекратить его. Получение согласия осужденного на освобождение от наказания в связи с применением к нему акта об амнистии уголовно-процессуальным законом не предусмотрено.

13. Вопрос: Каков порядок рассмотрения представления уголовно-исполнительной инспекции о применении акта об амнистии в отношении осужденного, которому назначено наказание по приговору мирового судьи?

Ответ: Представление уголовно-исполнительной инспекции о применении акта об амнистии в отношении лица, осужденного мировым судьей, рассматривается этим мировым судьей при условии проживания или пребывания осужденного на территории данного судебного участка.

14. Вопрос: Какова территориальная подсудность материалов по представлению уголовно-исполнительной инспекции об освобождении от наказания вследствие акта об амнистии условно осужденных и осужденных, отбывание наказания которым отсрочено?

Ответ: Согласно подпункту 3 пункта 1 Постановления о порядке применения амнистии, в отношении условно осужденных и осужденных, отбывание наказания которым отсрочено (за исключением осужденных, отбывание наказания которым отсрочено в порядке статьи 82.1 УК РФ), вопрос о применении акта об амнистии решается судом по представлению уголовно-исполнительной инспекции, осуществляющей контроль за их поведением. Поскольку такой контроль ведется, как правило, по месту жительства либо месту пребывания осужденных, применение акта об амнистии возлагается на суд по месту осуществления контроля за их поведением.

15. Вопрос: Какова территориальная подсудность материалов о применении Постановления об амнистии к лицам, условно-досрочно освобожденным от дальнейшего отбывания наказания до вступления в силу данного Постановления?

Ответ: В соответствии с ч. 6 ст. 79 УК РФ контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом, а в отношении военнослужащих - командованием воинских частей и учреждений. Учитывая, что, как и в случаях, указанных в ответе на предыдущий вопрос, такой контроль должен вестись по месту жительства либо месту пребывания (службы) осужденного, применение акта об амнистии возлагается на суд по месту осуществления контроля за его поведением.

16. Вопрос: Применяются ли положения акта об амнистии к лицу, осужденному к наказанию, не связанному с лишением свободы, при наличии 6 сведений о том, что в производстве данного или другого суда имеется представление уголовно-исполнительной инспекции о замене назначенного ему наказания на лишение свободы? Является ли такой осужденный злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания?

Ответ: На основании подпункта 3 пункта 19 Постановления о порядке применения амнистии злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания следует считать только осужденных, в отношении которых до вступления в силу акта об амнистии уже принято судебное решение о замене наказания на лишение свободы. Поэтому, если представление уголовно-исполнительной инспекции о замене неотбытого наказания на лишение свободы на день вступления в силу Постановления об амнистии не рассмотрено либо поступило в суд после 24 апреля 2015 г. и не имеется других ограничений для применения акта об амнистии, в отноше-

нии такого осужденного акт об амнистии подлежит применению, а производство о замене осужденному назначенного наказания на лишение свободы – прекращению.

17. Вопрос: Не имеется ли противоречия в условиях применения акта об амнистии, изложенных в подпункте 5 пункта 16 и в подпункте 5 пункта 19 Постановления о порядке применения амнистии, поскольку в силу первого положения при применении акта об амнистии не учитываются судимости за преступления, за которые наказание назначалось условно или с отсрочкой отбывания наказания либо исполнения приговора, если впоследствии осужденный не направлялся в места лишения свободы для отбывания назначенного наказания, в то время как в силу второго положения – на осужденных, совершивших умышленные преступления в течение установленного судом испытательного срока, в период отсрочки отбывания наказания, акт об амнистии не распространяется как на злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания?

Ответ: В данном случае какое-либо противоречие отсутствует. В подпункте 5 пункта 16 Постановления о порядке применения амнистии речь идет не о той судимости, в отношении которой решается вопрос о возможности применения акта об амнистии, а о предыдущих судимостях осужденного, имеющих правовое значение в качестве условий применения акта об амнистии.

Судебная коллегия по уголовным
делам Верховного Суда Российской
Федерации

Управление систематизации
законодательства и анализа
судебной практики
Верховного Суда
Российской Федерации

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституционный Суд РФ признал верховенство Конституции Российской Федерации при исполнении решений ЕСПЧ

Конституционный Суд РФ 14 июля 2015 г. провозгласил Постановление по делу о применении в России решений Европейского Суда по правам человека.

По запросу группы депутатов Госдумы была проверена конституционность отдельных положений федеральных законов «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», «О международных договорах Российской Федерации», а также отдельных положений ГПК РФ, АПК РФ, Кодекса административного судопроизводства РФ и УПК РФ (согласно которым, в том числе, судебный акт может быть пересмотрен и производство по делу возобновлено ввиду нового обстоятельства, которым является установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод), в связи с тем, что они фактически обязывают Россию, ее органы законодательной, исполнительной и судебной власти, к безусловному исполнению вынесенного по жалобе против России постановления ЕСПЧ – даже в случае, если оно противоречит Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ признал положения названных законодательных актов соответствующими Конституции РФ, поскольку на их основании в том числе:

- обеспечивается применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и исполнение постановлений ЕСПЧ в случаях, если исчерпаны все конституционно установленные внутригосударственные средства судебной защиты;

- суд при пересмотре дела в связи с принятием ЕСПЧ постановления, в котором констатируется нарушение в РФ прав и свобод человека при применении закона, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ, обращается с запросом в КС РФ о проверке конституционности этого закона;

- также Президент РФ, Правительство РФ, придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ вследствие того, что в части, обязывающей РФ к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ, правомочны обратиться в КС РФ с запросом о толковании соответствующих положений Конституции

РФ в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявленного противоречия и международных обязательств России применительно к возможности исполнения постановления ЕСПЧ и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Конституционный Суд РФ также указал, что при этом не исключается правомочие федерального законодателя предусмотреть специальный правовой механизм разрешения Конституционным Судом РФ вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции РФ исполнить вынесенное по жалобе против России постановление ЕСПЧ, в том числе в части мер общего характера.

Ниже публикуется полный текст указанного постановления.

Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

с участием представителя группы депутатов Государственной Думы - депутата Государственной Думы А.Г. Тарнавского, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Д.Ф. Вяткина, представителя Совета Федерации - председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 2) Конституции Российской Федерации, подпунктом «а» пункта 1 части первой, частью

ми третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 84, 85 и 86 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос группы депутатов Государственной Думы. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в запросе законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.П. Маврина, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства иностранных дел Российской Федерации - Г.В. Кузьмина, от Министерства юстиции Российской Федерации - М.А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации - Т.А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации установил:

1. Федеральным законом от 30 марта 1998 года N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" Российская Федерация ратифицировала подписанные ранее, 28 февраля 1996 года, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и ряд Протоколов к ней. При этом, в частности, как указано в статье 1 названного Федерального закона, Российская Федерация в соответствии со статьей 46 данной Конвенции признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

Согласно статье 32 Федерального закона от 15 июля 1995 года N 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации принимают меры, направленные на обеспечение выполнения международных договоров Российской Федерации (пункт 1); федеральные органы исполнительной власти и уполномоченные организации, в компетенцию которых входят вопросы, регулируемые международными договорами Российской Фе-

дерации, обеспечивают выполнение обязательств Российской Стороны по договорам и осуществление прав Российской Стороны, вытекающих из этих договоров, а также наблюдают за выполнением другими участниками договоров их обязательств (пункт 2).

В соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации суд обязан разрешать гражданские дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, федеральных законов, иных нормативных правовых актов органов государственной власти и нормативных правовых актов органов местного самоуправления (часть первая статьи 11); если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, суд при разрешении гражданского дела применяет правила международного договора (часть четвертая статьи 11); к новым обстоятельствам, являющимся основанием для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, относится, в частности, установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека (пункт 4 части четвертой статьи 392).

Аналогичные положения о применении судами, арбитражными судами правил международных договоров и об установлении Европейским Судом по правам человека нарушения Россией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод как основания для пересмотра соответствующих судебных актов закреплены в частях 1 и 4 статьи 13, пункте 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частях 1 и 4 статьи 15, пункте 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункте 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По мнению группы депутатов Государственной Думы, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке статьи 125 (пункт "а" части 2) Конституции Российской Федерации, указанные законоположения не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (части 1, 2 и 4) и 79, поскольку фактически обязывают Россию, ее органы законодательной, исполнительной и судебной власти, к безусловному исполнению постановления Европейского Суда по правам человека - даже в случае, если оно противоречит Конституции Российской Федерации.

1.1. Согласно части первой статьи 85 Федерального конституционно-го закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" запрос в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности указанных в статье 125 (пункт "а" части 2) нормативных актов органов государственной власти допустим, если заявитель считает их не подлежащими действию из-за неконституционности.

Оспариваемые в запросе части 1 и 4 статьи 15 и пункт 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, как следует из статьи 1 Федерального закона от 8 марта 2015 года N 22-ФЗ "О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации", вводятся в действие с 15 сентября 2015 года. Вместе с тем эти законоположения аналогичны другим положениям действующего процессуального законодательства, конституционность которых также подвергается сомнению заявителями.

С учетом приведенных обстоятельств и принимая во внимание, что группа депутатов Государственной Думы обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке абстрактного нормоконтроля, т.е. вне связи с конкретным делом, рассмотрение которого завершено в суде общей юрисдикции, арбитражном суде, данный запрос в этой части может быть признан отвечающим критерию допустимости, как он определен статьей 85 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации".

1.2. Согласно правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 2 июля 2013 года N 1055-О, проверка конституционности федерального закона о ратификации международного договора, в том числе по порядку принятия, по общему правилу, может быть осуществлена лишь до момента вступления данного международного договора в силу (который обычно не совпадает с моментом завершения процесса принятия соответствующего федерального закона о ратификации международного договора); иное не только противоречило бы общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda* и ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя международных обязательств, в том числе вытекающих из Венской конвенции о праве международных договоров, но и нарушало бы предписания статьи 125 (пункт "г" части 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положений подпункта "г" пункта 1 части первой статьи 3 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", которые уполномочивают Конституционный Суд Российской Федерации разрешать дела о соответствии Конституции Российской Федерации лишь не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

Как следует из материалов настоящего дела, заявители не подвергают сомнению ни какие-либо положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации, ни Федеральный закон "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" как нормативное основание ее включения в правовую систему России в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем названный Федеральный закон находится в неразрывном нормативном единстве с другими оспариваемыми в запросе положениями процессуального законодательства и Федерального закона "О меж-

дународных договорах Российской Федерации", образуя вместе с ними нормативно-правовую базу для исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека, вынесенных в отношении России на основании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека в конкретном деле.

Депутаты Государственной Думы связывают возникшую, как они полагают, неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации, с закрепляемой ими безусловной обязательностью вынесенных в отношении России постановлений Европейского Суда по правам человека - в тех случаях, когда между содержащимся в таком постановлении толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека и положениями Конституции Российской Федерации возникают коллизии.

1.3. Таким образом, исходя из требований статей 74, 84 и 85 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" взаимосвязанные положения статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на их основании подлежит разрешению вопрос об исполнении вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека, возлагающего на государство обязательства, реализация которых не согласуется с Конституцией Российской Федерации.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (статья 46, часть 3). В корреляции с названным положением Конституции Российской Федерации находятся предписания ее статьи 15 (часть 4), устанавливающей, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и статьи 79, в силу которой Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

В порядке реализации приведенных конституционных установлений

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и тем самым признала ее составной частью своей правовой системы, а юрисдикцию Европейского Суда по правам человека, в силу статьи 46 Конвенции, *ipso facto* и без специального соглашения - обязательной по вопросам толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией (согласно пункту 1 данной статьи Конвенции в редакции Протокола от 13 мая 2004 года N 14 Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами).

2.1. По смыслу статей 1 (часть 1), 2, 15 (часть 2), 17 (часть 2), 18, 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 52, 53, 55 и 118 Конституции Российской Федерации, гарантированная каждому и являющаяся обязанностью государства защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе судебная защита, право на которую относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, не может быть признана действенной, если вынесенный в целях восстановления нарушенных прав судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется. Исходя из этого, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, окончательное постановление Европейского Суда по правам человека, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что является жертвой нарушения со стороны Российской Федерации его прав, признанных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод или Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию, подлежит исполнению (Постановление от 6 декабря 2013 года N 27-П).

Соответственно, поскольку постановление Европейского Суда по правам человека подразумевает принятие государством-ответчиком конкретных мер по его исполнению, лицо, в отношении которого было установлено нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, во всяком случае должно иметь возможность обратиться в компетентный суд Российской Федерации с заявлением о пересмотре судебного акта, послужившего поводом для направления жалобы в Европейский Суд по правам человека, и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено; в свою очередь, решение компетентного российского суда по вопросу о возможности пересмотра соответствующего судебного акта - учитывая необходимость принятия конкретных мер индивидуального характера в целях восстановления нарушенных прав заявителя - должно основываться на всестороннем и полном рассмотрении его доводов, а также обстоятельств конкретного дела (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года N 4-П и от 6 декабря 2013 года N 27-П).

Что касается позиции самого Европейского Суда по правам человека относительно реализации выносимых им постановлений, то он полагает,

что конкретные средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться возлагаемое на государство-ответчика в соответствии со статьей 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод правовое обязательство, избираются, по общему правилу, самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского Суда по правам человека; разрешать же вопросы толкования и применения национального законодательства должны национальные органы власти, а именно судебные органы; такая дискреция в отношении способа исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека отражает свободу выбора, присущую вытекающей из статьи 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод основополагающей обязанности государств-участников обеспечивать определенные ею права и свободы (постановления от 13 июля 2000 года по делу "Скоццари и Джунта (Scozzari&Giunta) против Италии", от 30 июня 2005 года по делу "Ян (Jahn) и другие против Германии", от 29 марта 2006 года по делу "Скордино (Scordino) против Италии" (N 1), от 3 июля 2008 года по делу "Мусаева против России", от 3 июля 2008 года по делу "Руслан Умаров против России" и др.).

Согласно статье 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Тем самым защита прав и свобод, определенных в разделе I Конвенции, осуществляется Европейским Судом по правам человека на основе принципа субсидиарности, из которого, как неоднократно отмечал и сам Европейский Суд по правам человека, вытекает обязанность государств, ратифицировавших Конвенцию, гарантировать каждому защиту признанных ею прав, прежде всего в собственном внутреннем порядке и по отношению к органам национальной судебной системы (постановления от 29 марта 2006 года по делу "Мостаччуоло (Mostacciolo) против Италии (N 2)" и от 2 ноября 2010 года по делу "Сахновский против России").

В силу статей 46 (части 1 и 3), 120 (часть 1), 125 и 126 Конституции Российской Федерации такая, - по существу, дополнительная к национальному механизму судебной защиты прав человека - роль Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации предопределяется необходимостью осуществления судебной защиты в первую очередь всеми судами Российской Федерации, включая Верховный Суд Российской Федерации (который является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным делам и осуществляет защиту прав и свобод граждан в том числе путем рассмотрения кассационных и надзорных жалоб на вступившие в законную силу судебные акты), а также Конституционный Суд Российской Федерации (который как высший судебный орган конституционного контроля рассматривает дела по жалобам граждан на нарушение конституцион-

ных прав и свобод законом, примененным национальными судами в конкретном деле).

2.2. Поскольку Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, постольку государство обязано исполнять вынесенное на основании положений Конвенции постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе против России в отношении участвующих в деле лиц и в рамках конкретного предмета спора. При этом реализация предусматриваемых постановлением Европейского Суда по правам человека мер как индивидуального (individual), так и общего (common) характера должна осуществляться в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации также на началах признания такого постановления составной частью российской правовой системы.

Вместе с тем, как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посяательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации.

Будучи правовым демократическим государством, Россия как член мирового сообщества, в котором действуют общепризнанные принципы и нормы международного права, заключает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передавая им часть своих полномочий (преамбула; статья 1, часть 1; статья 15, часть 4; статья 17, часть 1; статья 79 Конституции Российской Федерации), что, однако, не означает ее отказ от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, характеризующим ее конституционно-правовой статус (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года N 10-П).

Исходя из этого в ситуации, когда самим содержанием постановле-

ния Европейского Суда по правам человека, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретированных Европейским Судом по правам человека в рамках конкретного дела, неправомерно - с конституционно-правовой точки зрения - затрагиваются принципы и нормы Конституции Российской Федерации, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции Российской Федерации.

3. При разрешении конституционно-правовых коллизий, могущих возникнуть в связи с толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод как международного договора Российской Федерации, необходимо учитывать Венскую конвенцию о праве международных договоров, участником которой является Россия.

Закрепляя в статье 26 фундаментальный принцип международного права *pacta sunt servanda* (каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться), Венская конвенция устанавливает также общее правило толкования договоров, предусматривающее, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора (пункт 1 статьи 31).

Таким образом, международный договор является для его участников обязательным в том значении, которое может быть уяснено с помощью приведенного правила толкования. С этой точки зрения если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения дела какое-либо положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции. Соответственно, постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Кроме того, как следует из пункта 1 статьи 46 Венской конвенции, государство вправе блокировать действие в отношении него отдельных положений международного договора, ссылаясь на то обстоятельство, что

согласие на обязательность для него данного договора было выражено им в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и касалось нормы внутреннего права особо важного значения. В Российской Федерации к числу таких норм в первую очередь относятся положения глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации, изменение которых не допускается посредством конституционных поправок, а может быть осуществлено, как установлено ее статьей 135, исключительно посредством принятия новой Конституции Российской Федерации.

Поскольку Россия, по смыслу статей 15 (части 1 и 4), 79 и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации, не вправе заключать международные договоры, не соответствующие Конституции Российской Федерации, а правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие, несомненно, особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе, основанной на верховенстве Конституции Российской Федерации, обязанностью органов государственной власти при имплементации международных договоров, предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены Конституцией Российской Федерации, и недопущение нарушений их основ конституционного строя.

При этом, однако, не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему Российской Федерации как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, уполномоченным на это самим международным договором, соответствовал Конституции Российской Федерации, впоследствии посредством одного лишь толкования (особенно при достаточно высокой степени абстрактности его норм, присущей, в частности, Конвенции о защите прав человека и основных свобод) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя, в том числе государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции Российской Федерации.

В свою очередь, безусловное исполнение Россией решений межгосударственного органа, принятых на основании такого международного договора в не согласующемся с Конституцией Российской Федерации истолковании, могло бы повлечь нарушение ее положений, которое в данном случае (учитывая презумпцию осведомленности органов, специально уполномоченных международным договором на рассмотрение вопросов, касающихся защиты прав и свобод граждан, о содержании действующих конституций государств - участников международного договора) является, несомненно, явным, т.е. объективно очевидным для любого субъекта международного права, действующего в этом вопросе добросовестно и

в соответствии с обычной практикой (пункт 2 статьи 46 Венской конвенции о праве международных договоров).

Вместе с тем, поскольку выражение Российской Федерацией согласия на обязательность для нее международного договора в нарушение того или иного положения Конституции Российской Федерации может выявиться только после принятия уполномоченным межгосударственным органом решения, основанного на истолковании конкретной нормы данного международного договора в смысле, приводящем к ее несогласованности с соответствующим положением Конституции Российской Федерации, речь в таких случаях идет не о действительности или недействительности для России международного договора в целом, а лишь о невозможности соблюдения обязательства о применении его нормы в истолковании, приданном ей уполномоченным межгосударственным органом в рамках рассмотрения конкретного дела.

В контексте приведенных положений Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что решение уполномоченного межгосударственного органа, в том числе постановление Европейского Суда по правам человека, не может быть исполнено Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации.

4. Россия присоединилась к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, стремясь обеспечить дополнительными гарантиями реализацию закрепленного в статье 2 Конституции Российской Федерации фундаментального положения о правах и свободах человека как высшей ценности в демократическом правовом государстве. В силу того что участие России в данной Конвенции, соблюдение которой призван обеспечивать Европейский Суд по правам человека, обусловлено задачей надлежащей реализации именно этого конституционного положения, гармонизация российского права с конвенционным, толкование и применение которого осуществляются Европейским Судом по правам человека в процессе рассмотрения конкретных дел, допустима лишь постольку, поскольку она не порождает противоречий с Конституцией Российской Федерации.

Будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции Российской Федерации, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере - притом что Конституция Российской Федерации и Конвенция о защите прав человека и основных свобод основаны на одних и тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина - отдавать предпочтение требованиям Конституции Российской Федерации и тем самым не следовать буквально постановлению Европейского Суда по правам человека в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям.

Соответственно, Конституционный Суд Российской Федерации не может поддержать данное Европейским Судом по правам человека толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если именно Конституция Российской Федерации (в том числе в ее истолковании Конституционным Судом Российской Федерации) как правовой акт, обладающий высшей юридической силой в правовой системе России, более полно по сравнению с соответствующими положениями Конвенции в их истолковании Европейским Судом по правам человека обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Отступление от толкующих и применяющих Конвенцию о защите прав человека и основных свобод постановлений Европейского Суда по правам человека имеет место и в практике европейских государств, хотя также в исключительных случаях и при наличии достаточно веских причин, в том числе при выявлении конвенционно-конституционных коллизий, которые, как правило, касаются не столько основного содержания (существа) тех или иных прав и свобод человека как таковых (сформулированных в Конвенции самым абстрактным образом), сколько их конкретизации посредством толкования постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащими, в свою очередь, оценку осуществленных на национальном уровне толкования и реализации этих, а также сопоставимых с ними по содержанию прав, закрепленных конституциями государств - участников Конвенции.

Наиболее показательной в этом плане является практика Федерального Конституционного Суда Федеративной Республики Германия, опирающаяся на выработанную им в постановлениях от 11 октября 1985 года, от 14 октября 2004 года и от 13 июля 2010 года правовую позицию относительно "ограниченной правовой силы постановлений Европейского Суда по правам человека". В частности, при разрешении вопроса об исполнении постановления Европейского Суда по правам человека от 26 февраля 2004 года по делу "Гёргюлю (Gorgulu) против Германии" он следующим образом сформулировал принцип приоритета национальной конституции перед решениями Европейского Суда для целей национальной правоприменения: во внутреннем правопорядке Конвенция о защите прав человека и основных свобод имеет статус федерального закона и наряду с практикой Европейского Суда по правам человека служит лишь ориентиром для толкования при определении содержания и сферы действия основных прав и принципов Основного Закона ФРГ и лишь при условии, что это не ведет к ограничению или умалению основных прав граждан, защищаемых Основным Законом ФРГ; решения Европейского Суда по правам человека не всегда обязательны для исполнения судами ФРГ, но и не должны полностью оставаться без внимания; национальной юстиции следует учитывать эти решения надлежащим образом и осторожно приспособлять их к внутреннему законодательству. Вместе с тем, как полагает Федеральный Конституционный Суд ФРГ, средство достижения согласия с Европейским

Судом по правам человека - это избегание конфликтов между внутренним и международным правом на начальном этапе рассмотрения дела в национальном суде, которые в принципе должны быть сведены к минимуму, поскольку оба суда используют одинаковую методологию (постановление от 14 октября 2004 года по делу 2BvR 1481/04 (BVerfGE111, 307). Схожая позиция была выражена им ранее - в отношении решений Европейского Суда справедливости (определение от 29 мая 1974 года по делу 2 BvL 52/71 (BVerfGE 37, 271) ["Solange-I"]).

Аналогичный подход использовал Конституционный Суд Итальянской Республики, не согласившись с выводами Европейского Суда по правам человека относительно трансграничных пенсионных выплат, которые были сформулированы в постановлении от 31 мая 2011 года по делу "Маджо (Maggio) и другие против Италии". В частности, в постановлении от 19 ноября 2012 года по делу N 264/2012 он указал, что соблюдение международных обязательств не может являться причиной снижения уровня защиты прав, уже заложенного во внутреннем правопорядке, но, напротив, может и должно представлять собой действенный инструмент расширения этой защиты; как следствие, противоречие между защитой, предусмотренной Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и конституционной защитой основных прав должно разрешаться в направлении максимального расширения гарантий и при условии обеспечения надлежащего соотношения с иными интересами, защищаемыми конституцией, т.е. с другими конституционными нормами, гарантирующими основные права, на которые могло бы повлиять расширение отдельно взятой гарантии. О приоритете конституционных норм говорится и в постановлении Конституционного Суда Итальянской Республики от 22 октября 2014 года N 238/2014 в связи с решением Международного Суда ООН по делу о юрисдикционных иммунитетах государств (Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece Intervening), Judgment, I.C.J.Reports 2012): решение международного судебного органа в случае конфликта с основными конституционными принципами итальянского права делает невозможным какое-либо его восприятие в контексте статьи 10 Конституции Итальянской Республики, которая в обычных условиях предусматривает автоматическую рецепцию международного права в национальную систему.

Конституционный Суд Австрийской Республики, признавая значимость Конвенции о защите прав человека и основных свобод и основанных на ней постановлений Европейского Суда по правам человека, также пришел к выводу о невозможности применения конвенционных положений в истолковании Европейского Суда по правам человека, противоречащем нормам национального конституционного права (постановление от 14 октября 1987 года по делу N B267/86).

Верховный Суд Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в решении от 16 октября 2013 года ([2013] UKSC 63) отметил неприемлемость для британской правовой системы выводов и толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод в постанов-

лении Европейского Суда по правам человека от 6 октября 2005 года по делу "Хёрст (Hirst) против Соединенного Королевства (N 2)" относительно проблемы избирательных прав заключенных. Согласно его правовой позиции решения Европейского Суда по правам человека в принципе не воспринимаются как подлежащие безусловному применению, - по общему правилу, они лишь "принимаются во внимание"; следование же этим решениям признается возможным лишь в том случае, если они не противоречат основополагающим материальным и процессуальным нормам национального права.

Во всех приведенных случаях конвенционно-конституционных коллизий речь идет не о противоречии между Конвенцией о защите прав человека и основных свобод как таковой и национальными конституциями, а о коллизии толкования конвенционного положения, данного Европейским Судом по правам человека в постановлении по конкретному делу, и положений национальных конституций, в том числе в их истолковании конституционными судами (или другими высшими судами, наделенными аналогичными полномочиями). Оценивая нормы внутреннего законодательства на соответствие конституциям своих государств, эти национальные судебные органы при принятии решения исходят из того, какое толкование, с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей и международно-правового регулирования статуса личности, лучше защищает права человека и гражданина в правовой системе данного государства, имея в виду не только непосредственно обратившихся за защитой, но и всех тех, чьи права и свободы могут быть затронуты.

Хотя интерпретационная правоприменительная практика самого Европейского Суда по правам человека по тому или иному вопросу, накапливаемая в течение сравнительно длительного периода, может со временем изменяться, тем не менее его постановления, как представляется, должны обеспечивать более высокий - по сравнению с национальным регулированием - уровень защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако неоднозначность такого предположения обнаруживается на примере дела "Константин Маркин против России", по поводу которого в 2010 году возник конфликт толкований между Конституционным Судом Российской Федерации и Европейским Судом по правам человека в вопросе о наличии или отсутствии дискриминации по гендерному признаку вследствие лишения мужчин-военнослужащих возможности получить трехгодичный отпуск по уходу за ребенком, предоставляемый женщинам-военнослужащим.

В этом деле, как и в других делах, затрагивающих проблему позитивной дискриминации, нарушение статьи 14 "Запрещение дискриминации" Конвенции о защите прав человека и основных свобод связано, как полагает Европейский Суд по правам человека, с предоставлением тех или иных преимуществ исключительно по объективному, не обусловленному индивидуальными особенностями лица признаку, например такому, как гендерная принадлежность. Причем в понимании Европейского Суда по правам человека дискриминация (а в рассматриваемом деле, следо-

вательно, нарушение статьи 14 Конвенции) отсутствует и в случае "негативного равенства" - при отказе законодателя от предоставления права на отпуск по уходу за ребенком всем лицам, подпадающим под категорию военнослужащих, что, однако, означало бы снижение уровня защиты, который в России на сегодняшний день гарантирован, в том числе с учетом особой (связанной с материнством) социальной роли женщины в обществе, довольно многочисленной категории женщин-военнослужащих. По мнению же Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствие дискриминации возможно при равенстве субъектов, принадлежащих к одной категории, в данном случае - женщин-военнослужащих, т.е. если предоставление спорного права всем военнослужащим препятствуют специфика военной службы и необходимость обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства, то его предоставление всем женщинам-военнослужащим в балансе конституционных ценностей допустимо.

Характерным примером наиболее очевидного расхождения с положениями Конституции Российской Федерации служит постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России", в котором наличие в российском законодательстве ограничения избирательного права лиц, осужденных по приговору суда, было признано нарушением статьи 3 "Право на свободные выборы" Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что прямо противоречит статье 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Согласие Российской Федерации на исполнение такого постановления означало бы нарушение ею статей 15 (часть 1), 32 (часть 3) и 79 Конституции Российской Федерации либо - в силу ее статьи 135 - необходимость принятия новой Конституции Российской Федерации, притом что присоединение к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и участие в ней России как правового демократического государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, обусловлено самим принятием, соблюдением и действием Российской Федерации.

5. Положения статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации приняты в порядке конкретизации статей 15 (часть 4), 17 (часть 1), 46 (часть 3) и 79 Конституции Российской Федерации.

В контексте конституционно защищаемых ценностей эти законоположения в их нормативном единстве, выступая в качестве важной правовой гарантии имплементации Конвенции о защите прав человека и основных свобод в правовую систему Российской Федерации, одновременно призваны обеспечить согласованный процессуально-правовой порядок исполнения вынесенных в отношении нее постановлений Европейского Суда по правам человека, основанных на толковании и применении положений Конвенции.

5.1. Вопросы, возникающие в связи с исполнением постановлений Европейского Суда по правам человека, уже были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В Постановлении от 26 февраля 2010 года N 4-П Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам: наличие в правовой системе государства процедур пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, в связи с вынесением которых были констатированы нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выступает в качестве меры, обязательность осуществления которой в целях реализации предписаний данной Конвенции вытекает из ее статьи 46 во взаимосвязи со статьями 19, 46 и 118 Конституции Российской Федерации, а следовательно, требует законодательного закрепления механизма исполнения окончательных постановлений Европейского Суда по правам человека, позволяющего обеспечить адекватное восстановление прав, нарушение которых выявлено Европейским Судом по правам человека; соответственно, федеральный законодатель обязан гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в случаях установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека.

Постановлением от 6 декабря 2013 года N 27-П Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с частями первой и четвертой его статьи 11 не противоречащими Конституции Российской Федерации. Выявляя конституционно-правовой смысл этих законоположений в системе действующего правового регулирования, он опирался на выводы, сформулированные ранее в Постановлении от 26 февраля 2010 года N 4-П, а также на следующие правовые позиции:

в процессе производства по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления в порядке пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации суд общей юрисдикции, обязанный подчиняться только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации) и разрешать гражданские дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации и законодатель-

ства Российской Федерации (часть первая статьи 11 ГПК Российской Федерации), может прийти к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека без отказа от применения положений законодательства Российской Федерации, ранее признанных Конституционным Судом Российской Федерации не нарушающими конституционные права заявителя в его конкретном деле. В таком случае перед судом общей юрисдикции встает вопрос о конституционности указанных законоположений, повлекших нарушение соответствующих положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их интерпретации Европейским Судом по правам человека;

выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может являться только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции с учетом разграничения их компетенции, предполагающего, с одной стороны, реализацию судом общей юрисдикции правомочия поставить вопрос о конституционности соответствующих норм перед Конституционным Судом Российской Федерации, а с другой - обязанность Конституционного Суда Российской Федерации окончательно разрешить этот вопрос. В связи с этим пункт 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с частями первой и четвертой его статьи 11 не могут рассматриваться как препятствующие суду общей юрисдикции, осуществляющему производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления по заявлению лица, в отношении которого Европейским Судом по правам человека было констатировано нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обусловленное применением в его деле положений законодательства Российской Федерации, приостановить производство и обратиться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации. Вынесение в таких случаях судом общей юрисдикции решения по результатам рассмотрения заявления о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления в порядке пункта 4 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации без предварительного обращения в Конституционный Суд Российской Федерации означало бы, что в практике судов общей юрисдикции допускается возможность различной оценки конституционности одних и тех же законоположений и тем самым - в нарушение требований Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 3, 4, 15 и 76, - ставится под сомнение верховенство Конституции Российской Федерации, обладающей в правовой системе Российской Федерации высшей юридической силой по отношению к любым правовым актам, действующим на территории Российской Федерации.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные применительно к порядку пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу, в рамках гражданского судопроизводства, имеют универсальный характер и потому в полной мере распростра-

няются на другие виды судопроизводства.

5.2. В порядке реализации Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 года N 27-П Федеральным конституционным законом от 4 июня 2014 года N 9-ФКЗ статья 101 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" была дополнена частью второй, согласно которой суд при пересмотре в случаях, установленных процессуальным законодательством, дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав исвобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона.

Названное законоположение и находящиеся в системном единстве с ним положения пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются, таким образом, правовым средством обеспечения верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации при разрешении возможных коллизий между содержащимся в постановлении Европейского Суда по правам человека толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека и положениями Конституции Российской Федерации. При этом указанные законоположения - по своему конституционно-правовому смыслу в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, - во всяком случае обязывают суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого Европейским Судом по правам человека было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации.

5.3. Если постановление Европейского Суда по правам человека, вынесенное по жалобе против России, основано на толковании положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, приводящем к их противоречию с Конституцией Российской Федерации, такое постановление - по смыслу статей 4 (часть 2), 15 (части 1 и 4), 16 (часть 2) и 79 Конституции Российской Федерации - не может быть исполнено. Соответ-

ственно, если органы государственной власти Российской Федерации, к компетенции которых относится обеспечение применения Конвенции как международного договора Российской Федерации, приходят к выводу о том, что такое противоречие имеет место и что действия и решения, которые требуются для исполнения постановления Европейского Суда по правам человека, могут привести к нарушению положений Конституции Российской Федерации, встает вопрос о действительном смысле этих положений в контексте возникшего противоречия и международных обязательств России.

Данный вопрос, как следует из статей 118 (часть 2) и 125 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 15 (части 1 и 4) и 79, по своей юридической природе подлежит разрешению в порядке конституционного судопроизводства. По смыслу действующего правового регулирования, это возможно посредством толкования соответствующих положений Конституции Российской Федерации, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации по официальному запросу уполномоченных субъектов в целях устранения неопределенности в понимании этих положений применительно к возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 125, часть 5, Конституции Российской Федерации; глава XIV Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации").

Причем как инструмент обеспечения верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации такое толкование может применяться и в том случае, если исполнение (в части принятия мер индивидуального и общего характера) вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека осуществляется (может осуществляться) и без участия судов.

6. Вопросы, связанные с европейской системой защиты прав человека и ролью Европейского Суда по правам человека в качестве ее контрольного механизма, активно обсуждаются и на самом высоком международном уровне. Участники таких обсуждений, в том числе имевших место на конференциях в Интерлакене (2010 год), Измире (2011 год) и Брайтоне (2012 год), высказывают взаимоисключающие мнения - от заявлений о недопустимости каких-либо посягательств на дух и букву Конвенции о защите прав человека и основных свобод и полномочия Европейского Суда по правам человека до резкой критики этих институтов как устаревших и утративших к настоящему моменту правовую и социальную легитимность, тем более если учесть, что многие актуальные и острые проблемы изначально, при заключении Конвенции и учреждении Европейского Суда по правам человека, вообще не входили в сферу его юрисдикции.

К наиболее заметным результатам состоявшихся дискуссий можно отнести предложение конференции в Брайтоне о включении в преамбулу Конвенции о защите прав человека и основных свобод упоми-

нения о "принципе субсидиарности" (principle of subsidiarity; principe de subsidiarite) и "доктрине свободы усмотрения" (margin of appreciation; marge d'appréciation) и внесение Комитетом Министров Совета Европы на рассмотрение государств-участников соответствующих поправок в виде Протокола N 15 к Конвенции, который открыт для подписания с 24 июня 2013 года. С учетом этих поправок конструктивным способом преодоления расхождений и предотвращения правовых конфликтов между суверенными государствами - членами Совета Европы может стать готовность к сотрудничеству, построенному на понимании и принятии одной стороной определенных, уместных лишь в рамках общих базовых принципов, оговорок относительно вопросов, по которым другая сторона уступать не готова.

Однако взаимодействие европейского и конституционного правопорядка невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежущего равновесия. Именно такого подхода призван придерживаться в своей деятельности Европейский Суд по правам человека как межгосударственный субсидиарный судебный орган, и именно от уважения им национальной конституционной идентичности государств - участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод во многом зависит эффективность ее норм во внутригосударственном правопорядке. Особое внимание наднациональных органов к базовым элементам этой конституционной идентичности, которые образуют внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя, позволит снизить вероятность конфликта между национальным и наднациональным правом, что, в свою очередь, во многом будет определять - при сохранении конституционного суверенитета государств - эффективность всей европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина и дальнейшую гармонизацию европейского правового пространства в этой области.

В Российской Федерации разрешение подобного рода конфликтных ситуаций возложено - в силу Конституции Российской Федерации - на Конституционный Суд Российской Федерации, который лишь в редчайших случаях считает возможным использовать "право на возражение" ради внесения своего вклада (вслед за коллегами из Австрии, Великобритании, Германии и Италии) в формирование сбалансированной практики Европейского Суда по правам человека, но не ради самоизоляции от его решений, которые отражают консенсус, выработанный государствами - участниками Конвенции, а исходя из необходимости конструктивного взаимодействия и взаимоуважительного диалога с ним. В таком контексте Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 года N 27-П, так же как и настоящее Постановление, следует рассматривать как стремление избежать серьезных осложнений в отношениях России не только с Европейским Судом по правам человека, но и с Советом Европы в ситуации, при которой постановление Европейского Суда по правам человека предполагает внесение в российское законодательство изменений, чреватых нарушением закрепленных Конституцией Рос-

сийской Федерации прав и свобод человека и гражданина, причем гораздо более существенным, нежели то, против которого возражал Европейский Суд по правам человека.

Если Конституция Российской Федерации не позволяет согласиться с отдельным постановлением Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации обязан отразить это несогласие в своем решении. В то же время, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации.

Свидетельством такого - основанного на Конституции Российской Федерации - подхода Конституционного Суда Российской Федерации является последовательная имплементация им положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского Суда по правам человека в российскую правовую систему. Более того, Конституционный Суд Российской Федерации признает значимость его деятельности по выявлению недостатков национального правового регулирования и по предложению путей к их устранению. Вместе с тем наличие в практике Европейского Суда по правам человека проблем, связанных с отступлением от принципа субсидиарности, создает, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, риск возникновения ситуаций, при которых ориентация на достаточно абстрактные нормы Конвенции может привести к игнорированию воли конституционного законодателя в межгосударственной правовой конструкции, не предполагающей передачи ей такого элемента государственного суверенитета.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 87 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать взаимосвязанные положения статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку на основании данных положений по их конституционно-правовому

смыслу в системе действующего правового регулирования:

обеспечивается применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации в качестве составной части ее правовой системы и исполнение принимаемых на основе Конвенции постановлений Европейского Суда по правам человека, выступающего в качестве субсидиарного межгосударственного судебного органа по конкретным делам в случаях, если исчерпаны все конституционно установленные внутригосударственные средства судебной защиты;

суд общей юрисдикции, арбитражный суд при пересмотре в установленном процессуальным законодательством порядке дела в связи с принятием Европейским Судом по правам человека постановления, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона; во всяком случае суд общей юрисдикции, арбитражный суд, осуществляющий производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта по заявлению лица, по жалобе которого Европейским Судом по правам человека было принято постановление, констатирующее нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод положениями законодательства Российской Федерации, примененными в деле этого лица, обязан приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке их соответствия Конституции Российской Федерации;

государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, - придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, - правомочны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации для решения вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения данной Конвенции; в случае если Конституционный Суд Российской Федерации придет к выводу, что постановление Европейского Суда по правам человека, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению; Президент Рос-

сийской Федерации, Правительство Российской Федерации - поскольку на них возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, - придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, правомочны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о толковании соответствующих положений Конституции Российской Федерации в целях устранения неопределенности в их понимании с учетом выявившегося противоречия и международных обязательств России применительно к возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Этим не исключается правомочие федерального законодателя - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, - предусмотреть не противоречащий юридической природе Конституционного Суда Российской Федерации и его предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека, в том числе в части мер общего характера.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете", "Собрании законодательства Российской Федерации" и на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный суд
Российской Федерации

ИНТЕРЕСНОЕ ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Участие в досудебной стадии производства по уголовному делу адвоката, статус которого был получен незаконно и впоследствии прекращен, стало основанием для отмены состоявшихся судебных постановлений.

Извлечение из Обзора судебной практики по уголовным делам кассационной инстанции Московского городского суда за первое полугодие 2015 г.

Постановлением Мещанского районного суда города Москвы от 30 мая 2013 года жалоба адвоката Русаковой М.Б., поданная в порядке ст. 125 УПК РФ в интересах Архиповой Д.С., о признании незаконными действий и решений должностных лиц транспортной прокуратуры, связанных с отказом в удовлетворении ее обращений о возбуждении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, оставлена без удовлетворения.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 17 июля 2013 года постановление суда первой инстанции оставлено без изменения.

Принимая указанные решения, суды первой и апелляционной инстанций не учли, что по смыслу ст. 125 УПК РФ суды проверяют законность решений и действий (бездействия) должностных лиц, указанных в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, касающихся заявленных требований граждан об устранении допущенных нарушений, ущемляющих их права и свободы.

При этом, в силу ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление судьи должно быть законным, обоснованным и мотивированным, основанным на исследованных материалах с проверкой доводов, приведенных заявителем.

Как утверждает адвокат, на досудебной стадии производства по уголовному делу было существенно нарушено неотъемлемое право обвиняемого Архипова Д.С. на защиту. После вступления приговора в отношении него в законную силу была выявлена некомпетентность адвоката Орешникова В.И., который осуществлял защиту Архипова Д.С. при ознакомлении с материалами уголовного дела, не имея надлежащей юридической подготовки, поскольку статус адвоката Орешниковым В.И. был получен незаконно и впоследствии прекращен.

Однако должностные лица органов прокуратуры, куда адвокат Русакова М.Б., действуя в интересах Архипова Д.С., обращалась с жалобой о пересмотре приговора в порядке ст. 413 УПК РФ, сочли ее доводы необоснованными и отказали в удовлетворении жалобы.

Суд при рассмотрении жалобы заявителя по существу уклонился от разрешения поставленных в ней вопросов, а именно, имело ли место при производстве по уголовному делу существенное нарушение неотъемлемого права обвиняемого Архипова Д.С. на защиту, предусмотренного п.

3 ст. 6 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод», ст. 48 Конституции РФ; и соответствовали ли обжалуемые действия (решения) должностных лиц транспортной прокуратуры требованиям международных правовых актов, Конституции РФ и законодательству РФ в части обеспечения права обвиняемого на защиту.

Таким образом, утверждение автора жалобы о том, что в данном случае в результате неправомерных действий правоохранительных органов были допущены решения и действия, которые сами по себе не только способны, но и причинили ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, в частности, осужденного Архипова Д.С., доступ которого к правосудию в результате оказался затруднен, никакой оценки в постановлении суда не получило.

Президиум Московского городского суда постановлением Мещанского районного суда города Москвы от 30 мая 2013 года и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 17 июля 2013 года отменил, материалы направил на новое судебное рассмотрение в Мещанский районный суд города Москвы, в ином составе суда.

Судебная коллегия по уголовным делам
Московского городского суда

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**Председатель:**

Малиновская В.Н. –
Президент Адвокатской палаты Астраханской области,
Председатель Ревизионной комиссии Федеральной палаты
адвокатов РФ,
Заслуженный юрист РФ

Члены:

Абубекеров А.А. –
Вице-президент Адвокатской палаты
Астраханской области, Заслуженный юрист РФ,
член Совета АПАО

Гусева Г.И. –
руководитель Адвокатской конторы Ленинского р-на
г. Астрахани АОКА, Заслуженный юрист РФ,
член Совета АПАО

Цыганова Е.И. –
адвокат Адвокатской конторы Ленинского р-на
г. Астрахани АОКА, член Квалификационной комиссии АПАО

**Ответственный
за выпуск:**

Денисов Д.А. –
адвокат Адвокатской конторы
Кировского района г. Астрахани АОКА,
член Совета АПАО